

*А. Е. Канунов**

ХАОС КАК ОБЪЕКТ ЭТИЧЕСКОГО ВНИМАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Цель статьи состоит в раскрытии этического смысла понятия «хаос» и в уточнении существа вопросов морали, к которым оно может быть применено. Автор исходит из утверждения, что в рамках постнеклассической парадигмы человек и социум представляют собой диссипативные, нелинейно-динамические системы, развивающиеся по сложным законам, а хаос является неотъемлемым условием их существования. Чувствительность к начальным условиям, нелинейность, необратимость, апериодичность и существование областей хаоса за областями детерминизма рассматриваются в этической проекции как свойства человеческих поступков. Неоднородность пространства этики и многовариантность морали затрудняют оценку конкретного поступка, что требует установления такого принципа справедливости, который имел бы первостепенное значение в ряду моральных требований. Автор считает, что взвешенная этическая позиция должна базироваться на аристотелевском принципе ἐπιείκεια как высшем принципе справедливости и моральной добродетели, не согласующемся при этом с релятивистскими и партикуляристскими концептами в этике, но учитывающем своеобразие индивидуальности и характерной для нее нелинейности.

Ключевые слова: хаос, детерминированный хаос, этика, мораль, поступок, оценка поступка, ἐπιείκεια.

A. E. Kanunov

CHAOS AS AN OBJECT OF ETHICAL ATTENTION: TOWARDS THE STATEMENT OF A PROBLEM

The purpose of the article is to reveal the ethical meaning of «chaos» concept and to define more exactly the essence of moral issues which it can be applied to. The author starts from an affirmation that within a framework of the post-nonclassical paradigm both an human being and the society are dissipative and nonlinear-dynamic creations that are developing while being accompanied by complicated set of laws and chaos is the inalienable condition for their existence. In the ethical projection a sensitivity to initial conditions, non-linearity,

* Канунов Антон Евгеньевич, ФГУП «Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики», кандидат химических наук; a.kanunov@mail.ru

irreversibility, non-periodicity and the existence of the chaos areas beyond the determinism areas are considered as properties of human deeds. The dissimilarity of ethics space and polyvariant character of moral norms make it difficult to evaluate a specific human deed, which requires the establishment of such a kind of justice principle that would be of a prevailing importance in the file of all the moral requirements. The author thinks that a balanced ethical point of view should be based on the ἐπιείκεια principle of justice and moral virtue, which does not compromise with relativistic and particularistic concept in ethics, but it takes into account the peculiarity of individual and nonlinearity that is distinctive to a human being.

Keywords: chaos, deterministic chaos, ethics, morality, action, assessment of the act, ἐπιείκεια.

Слово «хаос» часто употребляется в качестве отрицательной (негативной) эмоционально-оценочной характеристики какого-либо явления или свойства. Например, в нравственной философии и социальной сфере использование понятия «хаос» (или «хаотический») указывает на беспорядочность, деструктивность, разрушение базовых ценностей, морали, состояние деградации и аберрантное поведение; на личностном уровне хаос — кризис идентичности, утрата смысловых ориентиров, моральной ответственности, безумие и т. п. Такое восприятие хаоса справедливо лишь отчасти и связано прежде всего с доминированием в сознании узко рационалистических и линейно-детерминистических представлений о мире. Такой вид хаоса может быть маркирован как статистический, и появился он в эпоху становления европейского рационального мировосприятия. Ему предшествовала и некоторое время сопутствовала мифологическая интерпретация этого феномена. На дофилософской стадии развития культуры хаос трактовался как субстанциональное начало, из которого возник мир (Гесиод, Акусилаи, Ферекид). Быстрый переход от мифологического к метафизическому пониманию феномена хаоса сопровождался отождествлением его с беспредельным и иррациональным первоначалом — ἄπειρον, являющимся естественным свойством сущего (Анаксимандр). Сущее при этом представляло собой неопределенную множественность, сведенную к единству (Гераклит). Именно в этот момент мы можем усмотреть эвристические начала современных концепций теории хаоса. Однако фокус быстро сместился в сторону рациональности, логики и порядка, которые противопоставлялись иррациональным силам хаоса. Например, Пифагор позиционировал космос и порядок как единственные характеристики мира и подлинное бытие. Формирующийся таким образом тип восприятия мира В. С. Библер именовал диалогом разума эйдетического (Античность), разума причащающего (Средневековье) и разума познающего (Новое время). Таким образом, *познавать* мир — значит *определять* хаос, фактически осуществлять трансмутацию хаоса в космос [5, с. 4–5]. А. В. Сёмушкин комментирует это следующим образом:

Мир естественный декорируется под мир «искусственный», хаос (то ἄπειρον) конституируется в космос по мере конституирования самого субъекта, в зависимости от степени преодоления субъектом своей собственной хаотичности и неведения (ἄπειρία) относительно своих границ и возможностей [11, с. 47–48].

Традиции нравственной философии построены на идеях космоса, и вся этика сформировалась как κοσμητικὴ τέχνη — искусство приводить в порядок.

Ранние мыслители изучали этику с нормативной точки зрения, занимаясь построением и обоснованием моральных стандартов и правил, которым необходимо следовать.

Тем не менее у греков продолжает сохраняться *влечение* к иррациональной стихии, противопоставляемой космосу (Э. Доддс). Это влечение воплощается в дионисийстве, опыт которого явно демонстрировал амбивалентность человеческого бытия. Посредством дионисийских практик внутреннее, глубоко спрятанное иррациональное естество, вырывалось наружу, «отбрасывая» участников культа в область бессознательного и доводя их до стихийных вспышек безумия и массовой истерии. В культе Диониса был заложен «беспредель» страстей и свободы, лишённой культурной меры в отношении добра и зла» [6, с. 454]. Крайние проявления феномена дионисийства и по настоящее время остаются малообъяснимыми (так, культ Диониса лег в основу романа Д. Тартт «Тайная история», в котором молодые люди, учащиеся престижного колледжа, увлекшись дионисийскими практиками, впали в состояние безумия и убили с особой жестокостью случайного прохожего).

Начиная со стоиков происходит активное дистанцирование хаоса от культуры и образа мысли. Окончательно хаос был наделен отрицательными свойствами в Средневековье с утверждением идеи о Боге как единственном источнике порядка и гармонии. Хаос отождествлялся с тьмой, адом и дьяволом.

Классический рационализм трактовал природу и человека исключительно как высокоструктурированные, упорядоченные и регулируемые системы и выступал в качестве репрессивной инстанции в отношении хаоса как неупорядоченности: все сложные нелинейные явления устранялись из теоретических и экспериментальных исследований, а линейный случай рассматривался как единственно правильный и важный [18, с. 98]. Об этом метко высказался британский математик Иэн Стюарт в своей знаменитой работе «Играет ли Бог в кости? Новая математика хаоса»: «Детерминированные математические модели внушили веру в детерминированный мир», и далее: «...уравнения, которые не могли быть решены, автоматически представляли меньший интерес, чем те, которые могли быть решены» [20, с. 39].

Рационализм в науке устраняет хаос статистическим методом — усреднением. Понятие *среднего* в ряде случаев не тождественно *правильному* или *справедливому*, что в этике является наиболее чувствительными критериями. Частный случай статистического хаоса лежит в основе утилитаризма, где правильным действием считается действие, приносящее пользу большинству (что может быть представлено как классическое гауссово распределение). Отсюда и возникает понятие «норма» как характеристика допустимого диапазона, усредненной или среднестатистической величины или качества. (Важно учитывать также, что нормы бывают разных порядков.) За рационализированной нормой скрывается претензия на ее истинность, непреложность, непротиворечивость; в некоторых случаях рационализация способна подняться до положения превосходства. Линейно-детерминированный «механизм» присущ как консеквенциализму, так и деонтологии. Хорошо известно, что для консеквенциалистической оценки поступка важен его результат, и только по нему оценивается весь поступок в целом: если ре-

зультат маркируется негативно, то и поступок в таком случае в целом считается отрицательным. При деонтологическом подходе к оценке поступка моральному анализу подвергается поступок как таковой (с позиции долга), а мотивационные и результирующие аспекты поступка имеют второстепенное значение. В целом традиционная этика стремится к линейному сопоставлению поступка и его последствия [18, с. 107]. Но при этом и личность конструируется по простейшей стереотипной схеме, основная функция которой — упрощение реальности. Как ни парадоксально, упрощенными моделями сложно управлять, поскольку они изначально лишены сложных качеств, пренебречь которыми становится невозможно. Стремление увидеть мир простым с фактической вульгаризацией представлений о нем способствует формированию стереотипов и предрассудков, выливается в неспособность понять многообразие мира, явлений самой разной природы и, что самое опасное, — культуры, культурного и поведенческого различия людей. Чужое при этом вызывает отторжение просто потому, что оно чужое. В радикальных случаях стереотипы, «ярлыки» и пропагандистские лозунги способствуют дегуманизации и облегчают восприятие другого человека, отличающегося чем-то, как «недочеловека» и даже не заслуживающего права жить. Любое отклонение от того, что называют разумным порядком или статистической нормой, рассматривается как враждебное и вызывает негодование. Превращение негодования как одного из базовых моральных чувств в порок нетерпимости представляет наибольшую опасность для современного мира [12, с. 89]. С ужасом можно осознать, что любая дискриминация пытается действовать через нормативную этику, маскируя таким образом уродливый лик нетерпимости. Тем не менее, согласно выводам Д. С. Чернавского, влияние детерминистических концепций на этические нормы было значительным [13, с. 235–236]. Люди зачастую отступают от этических норм во имя торжества рациональности или, что особенно чудовищно, во имя Бога (так, на каске американского солдата во Вьетнаме было написано: «Убей узкоглазого во имя Господа» [7, с. 381]). Отсутствие ответственности является характерной чертой такого мировоззрения. Человек, совершивший аморальный поступок, часто пытается снять с себя ответственность за его совершение, обосновывая это выполнением приказа, тем, что его вынудили, благими намерениями и т. д. Фактически люди создают удобоваримые рациональные объяснения безнравственным поступкам. (Примеров оправдания безнравственных поступков можно привести много. Упомянем наиболее «мягкий» из них. Участники Стэнфордского тюремного эксперимента, выполнявшие роль тюремных надзирателей, оправдывали свои жестокие действия в отношении заключенных в частности тем, что заключенные могли в любой момент прервать эксперимент, но они этого не делали.) Однако, по пронизательному утверждению О. П. Зубец,

...поступок отличается от события тем, что единственным его основанием, причиной является совершающий его — что он совершается субъектом морали, от которого *абсолютно* зависит, совершать его или нет, и смысл этого поступка не зависит ни от каких иных причин и обстоятельств, кроме «причинности из свободы», моральный поступок *принципиально неправоположен* [8, с. 189].

Стоит сказать, что цель настоящей статьи состоит не в критике традиционной этики, выстроенной на принципе порядка, а в определении тех горизонтов, какие может открыть этика, базирующаяся на хаосе; в поиске метаэтического и аксиологического выражения сложности и нелинейности. Ценности и модели поведения, которые легко представить и понять в линейных рамках, теряют актуальность в более широком контексте сложности. Необходимо признать, что реальность — это не детерминированная структура, а часть непознаваемого и непредсказуемого мира множества возможностей. Взаимодействовать с новой реальностью с использованием упрощенных моделей, родившихся в период научной рационализации, становится крайне сложно. Это отчетливо стало видно в эпоху глобализации, активный рост которой ведет к увеличению масштаба противоречий и моральных проблем [1, с. 64]. К новым моральным дилеммам современности относятся, например, дилеммы культурной идентичности, патриотизма, толерантности и мультикультурализма [1, с. 66]. Индийский ученый А. Сингх крайне удачно сравнивает глобализацию с улицей, на которой организовано двухстороннее движение. Доминирование одной стороны над другой неуместно [19, с. 173]. Таким образом, проблема заключается не в глобализации и не в рождающейся из нее неупорядоченности как таковых, а в том, как ими можно управлять и какие правила при этом соблюдать. Ощущение хаоса и кризиса, преобладающее в онтологическом опыте современного человека, требует гораздо более гибких подходов в этике. Этический релятивизм стал актуальным относительно недавно, несмотря на то что корни этой концепции уходят к Протагору. С некой осторожностью можно сказать, что этический релятивизм начал реализовываться в современности как система безопасности в ответ на *многообразие*, с которым сталкивается человек в эпоху глобализации, а важнейшей добродетелью и базовой ценностью сегодня выступает толерантность (понимаемая прежде всего как признание различий), и вместе они являются цивилизованным уровнем решения проблемы. Однако стоит признать, что в релятивизме пропадает различие добра и зла, а принцип толерантности начинает носить противоречивый характер. Де-факто толерантность все чаще реализуется в повседневной жизни в лучшем случае как лицемерное прикрытие безразличия [1, с. 68]. Релятивизм и толерантность могут выйти за рамки своих первоначальных значений, приобрести *избыточность* в своей свободе, что приведет к катастрофе другого уровня: неуправляемому беспорядку в самом плохом смысле этого слова, с главным девизом — «все позволено». Эта проблема глубже, чем может показаться на первый взгляд. По утверждению философа морали Аллена Вуда, «толерантность может потребовать от нас позволить кому-то проповедовать нетерпимость» [22, с. 28]. Необходимо всегда помнить, что ни в коем случае нельзя допускать гибели авторитета морали.

Недостатки в линейных подходах в этике при оценке поступка не означают, что ими нужно пренебрегать, это говорит лишь об их недостаточности. Пространство этики крайне неоднородно. В условиях непрерывной динамики жизни при оценке тех или иных действий человека этика нуждается в т. ч. и в теоретических подходах, опирающихся на представление о мире, социуме, индивиде и подсистемах индивидуальности как нелинейно-динамических системах.

В этом отношении внимания заслуживают представления о феномене детерминированного хаоса, которые могут способствовать *качественному* описанию морали в контексте этического кризиса. Современные концепции детерминированного хаоса существенно меняют традиционное концептуальное содержание понятия «хаос». Лишь с середины XX в. оно начинает возвращаться из небытия и происходит возрождение тех представлений о мире, которые были обозначены в самом начале формирования научной мысли (со времен Гераклита).

В. В. Афанасьева, выполнившая наиболее полное и системное онтологическо-феноменологическое исследование детерминированного хаоса в отечественной научной литературе, констатирует, что хаос и трансцендентен, и имманентен одновременно: «... трансцендентным его делает включенность в непознаваемое всеединое сущее, имманентным — его воплощенность в природе» [3, с. 325]. Трансцендентный феномен хаоса формирует архитектуру, через которую можно и нужно исследовать мир во всем его многообразии. В. В. Афанасьева выделяет три существенные функции хаоса: он 1) дает свободу развития и возможность выбора, 2) рождает упорядоченные движения и 3) разрушает их [3, с. 314]. Хаос допускает бесконечное количество возможностей. Определение того, какая из этих возможностей будет реализована, — великая тайна природы. Явление детерминированного хаоса не ограничивается только физико-математическими науками, оно распространяется и на другие области знания, имея в них свою специфику и функциональные возможности. Недавние открытия в естественных науках явно демонстрируют, что все живые и естественные системы могут быть охарактеризованы как нелинейные и обладающие нерегулярной динамикой. В обзорной статье С. Криппнера [17, с. 49] приведены примеры хаотических процессов, таких как поток поднимающегося дыма, становящийся постепенно турбулентным, водопад, электроэнцефалографическая активность мозга, изменения в популяциях животных, сердцебиение, колебания уровня лейкоцитов, фондовой биржи и т. д. При этом исследования в области нелинейного анализа и теория хаоса показывают, что хаотические режимы являются нормальным явлением и представляются скорее правилом, чем исключением [18, с. 99]. Поведение человека и его когнитивные способности также отображают динамические, нелинейные свойства. Значение теории хаоса для социальной сферы и гуманистической психологии было отмечено в 1991 г. президентом Американской психологической ассоциации Уильямом Беваном:

... стабильность паттернов, характеризующих психологические и социальные процессы, рассматривается как следствие их нелинейности. Это, в свою очередь, означает, что линейный анализ, который использовался так долго, просто неуместен (цит. по: [17, с 51]).

Американский психолог С. Бартон обсудил полезность теории хаоса в самых разных областях — от нейробиологии до клинической психологии — и отметил трудности, связанные с использованием нелинейных концепций и методологий в эмпирических исследованиях. Особая роль теории хаоса отводится в гуманистической психологии [14, с. 5–6].

В рамках постнеклассической парадигмы социум [4, с. 69; 9, с. 136] и отделимо взятый человек [10] представляют собой диссипативные, нелинейно-динамические системы, развивающиеся по сложным законам. Бифуркации, обычно рассматриваемые как качественные изменения состояния системы, могут быть представлены в т. ч. в качестве кризисов — мягких или жестких. Так, например, человека, стоящего перед морально-этическим выбором, можно определить как напряженно «колеблющегося» перед выбором одного или другого пути.

Основными свойствами хаотической системы являются: нелинейность; динамичность; существование областей детерминизма, за которыми следуют области хаоса; чувствительная зависимость от начальных условий; необратимость и аperiodичность. (Поскольку данная статья посвящена раскрытию этического смысла феномена детерминированного хаоса, то физический смысл указанных выше свойств рассматриваться не будет.)

Для этики представляя интерес поступок как сознательное действие (или бездействие) и его оценка. Рассматривая человека как нелинейную систему в этическом аспекте, мы подразумеваем прежде всего то, что поведение человека и его поступки могут быть детерминированными, непредсказуемыми, а также одновременно детерминированно-непредсказуемыми. Обычно при оценке поступка рассматриваются сам поступок и его ближайшее следствие (или последовательная цепь следствий). При этом не учитывается т. н. эффект распространения возмущений и выстраивания большого набора событий, предвидеть которые нельзя. Каждый поступок необратим и аperiodичен в силу своей абсолютной уникальности (М. М. Бахтин). Напомним также и о темпоральной согласованности поступка. Он детерминируется как прошлым, так и будущим состоянием, к которому человек стремится: «... человек, захваченный влиянием доминирующей цели, подчиняет ей свое поведение» [10]. То есть в нелинейных системах принцип причинности может выглядеть не как у детерминистских законов, а возможна детерминация будущим. Человек при определенных условиях может вести себя детерминированно-предсказуемым образом, но стоит изменить эти условия, как поступки и поведение становятся иррациональными и хаотическими. Эти условия могут быть заданы как внутренне, так и внешне. Внутреннее задание условий определено личностной индивидуальностью, собственным внутренним миром человека — *ἰδιος κόσμος*. Внешние условия обусловлены взаимодействием человека с социальной средой. Чтобы понять сложные модели поведения, необходимо принять во внимание не только предрасположенность, но и ситуационные и системные факторы (влияние ситуации и системы). Наиболее яркой иллюстрацией этому служит т. н. «эффект Люцифера», описанный социальным психологом Ф. Зимбардо. По его выводам, «сочетание ситуационных и системных факторов может пробудить к жизни худшие качества человеческой природы» [7, с. 391]. Человек непрерывно находится под влиянием и воздействием со стороны других. Эти влияния носят непредсказуемый характер (в соответствии с этической интерпретацией эффекта инерции Э. Маха). В этом состоит опасность толпы, как в прямом, так и опосредованном смысле, поскольку влияний в толпе больше. Чувствительность человека к таким внешним воздействиям связана также

с особой структурой его ἰδιος κόσμος, который и воспринимает это воздействие. По утверждению Ф. Зимбардо, при выяснении причин какого-либо поступка или поведения человека (как собственного, так и других людей) следует начинать с анализа ситуации и определения ситуационных детерминант поступка, избегая при этом фундаментальных ошибок атрибуции (под фундаментальной ошибкой атрибуции понимают тенденцию к оцениванию поступков других людей особенностями их личности, а собственных поступков — внешними обстоятельствами). К рассмотрению внутренних факторов (например, наследственности, особенностей характера, различных патологий) стоит прибегать лишь в том случае, когда ситуационный анализ не дал результата [7, с. 364]. В целом Ф. Зимбардо приводит несколько факторов, помогающих объяснить, почему гуманные люди могут вести себя жестоко и безнравственно. К ним относятся: деиндивидуация, дегуманизация, образ врага, групповое мышление, отключение внутреннего контроля, социальная фасилитация [7, с. 546, 602].

Непредсказуемость выражается как непредвиденные последствия поступка. Концепция непредвиденных последствий была хорошо раскрыта Р. К. Мертоном — он определял непредвиденные последствия как результаты действий (поступков), которые не могли быть предусмотрены первоначальным действием. К этой группе можно отнести, например, этические поступки, приводящие к неэтичным последствиям и наоборот, неэтичные действия, приводящие к этическим последствиям. Концепция непредвиденных последствий идет вразрез с идеями классического детерминизма, при котором за причиной следует линейно предсказуемое следствие [21, с. 10]. Например, давая на улице деньги нищему, мы можем внести свой вклад в организованную преступность. Антиалкогольные кампании привели к гибели многих людей, употреблявших нелегальный алкоголь или его аналоги. Буллингу в детских коллективах на практике уделяется не так много внимания (взрослые, в т. ч. педагоги, часто предпочитают не вмешиваться в подобные инциденты и умалчивать о них с целью избежать огласки, считая их в целом несерьезными, либо вовсе не замечают подобных действий), в то время как вызванные им психологические (и физические!) травмы могут влиять на поступки объекта травли в далеком будущем. Концепция непредвиденных последствий поступков свидетельствует против убеждения о способности людей строго контролировать мир вокруг себя.

Одной из характерных особенностей нелинейно-динамических систем является существование областей детерминизма, сменяющихся хаосом. В этике и социологии это явление аналогично процессам, анализируемым молекулярной физикой. При постепенном нагревании сосуда с газом молекулы газа сначала поднимаются вверх, а затем, теряя тепловую энергию, вновь опускаются вниз, образуя вполне детерминированное круговое вращение. С повышением температуры регулярное вращение молекул газа становится хаотичным. Социальный философ Дж. Цаликис утверждает, что в определенных пределах человек демонстрирует вполне детерминированное этическое поведение, в то время как при других условиях и обстоятельствах поведение становится непредсказуемым. Люди реагируют на определенное «давление», которое провоцирует появление напряжения — точки ветвления, где формируются несколько предсказуемых или непредсказуемых действий [21, с. 12].

Здесь можно вспомнить главного героя фильма «Ворошиловский стрелок», жизнь которого была вполне детерминированной (в т. ч. и с этической точки зрения) до определенного момента, связанного с изнасилованием его внучки. Именно в этот критический момент он принимает решение наказать обидчиков самостоятельно — появляется бифуркационная точка ветвления цепи событий, которые были крайне нетипичными для него самого. После хаотического всплеска сформировалось новое упорядоченное состояние — жизнь его вновь возвращается в прежнее русло. Истинной морали в поступках героя фильма нет, равно как и нет постоянного истинного порядка — рассмотренный пример демонстрирует неизбежность кризисов.

Важнейшим свойством нелинейно-динамических систем является чувствительность к небольшим изменениям начальных условий, т. н. «эффект бабочки». («Эффект бабочки» является самой популярной визуализацией детерминированного хаоса. Он появился как вопрос Э. Лоренца: «Может ли взмах крыла бабочки в Бразилии вызвать торнадо в Техасе?») В этике «эффект бабочки» представлен тем, что даже небольшие и явно несущественные действия, вне зависимости от их моральности, могут привести к огромным негативным последствиям, страданиям и несправедливости.) Это свойство противоречит традиционной рационалистической мысли, согласно которой незначительными влияниями (флуктуациями) можно пренебречь. Идея чувствительности к начальным условиям имеет огромное значение для этики. Ее можно рассматривать не только как влияние на человека в момент формирования личности (воспитание): идеи здоровых целей, образов. (Стоит лишний раз акцентировать внимание на том, что сейчас в СМИ и искусстве происходит непрерывное освещение насильственных действий.) Человек и социум перманентно находятся в метастабильном состоянии, равно как и в состоянии непрерывного принятия моральных решений и суждений. Свойство чувствительности реализуется «вблизи» критических точек (бифуркаций), где появляется многовариантность путей развития. Несущественные действия, независимо от их этичности, могут привести к большой степени несправедливости и страданий. А. П. Скрипник [12] анализирует причины возникновения порока нетерпимости. Он отмечает, что характерной чертой нетерпимости или ее «излюбленным оружием» являются разного рода сплетни, мифы и слухи. Зачастую именно они играют роль «пускового механизма» для взрыва массовой агрессии. Ярким примером такого процесса может служить погром в Кельце 4 июля 1946 г. — крупный погром против еврейского населения в Польше, проведенный антисемитски настроенным польским населением. Поводом послужил заведомо ложный донос о «еврее в зеленой шляпе», который заманил 10-летнего мальчика в подвал дома на улице Планта 7/9. Сообщение, что мальчик цел и невредим, а в указанном доме вообще нет подвала, никого не заинтересовало [12, с. 99].

Еще одним важным следствием теории хаоса, имеющим отношение к этике, является условное «расстояние», с которого осуществляется оценка этически чувствительного действия. Любой объект издали будет казаться точкой, но лишь по мере приближения к нему мы можем разглядеть его очертания. В этике эта характеристика будет зависеть от точки зрения оценивающего. Эта

точка зрения может быть временной, культурной или основанной на близости оценивающего к совершаемому действию [21, с. 12]. Кроме того, наше восприятие другого человека (людей, культур и т. д.) основано на традициях, и эти традиции порой невозможно сравнивать, однако это не означает, что диалог между ними невозможен, более того, он необходим, чтобы выйти за рамки узких идентичностей. Особо важную роль играет межкультурное обучение как процесс изучения многообразия, а также преодоление фундаментальной ошибки атрибуции при оценке поступков.

Исходя из теории хаоса можно сделать главный вывод о неоднородности пространства этики, о множественности морали, неопределенности и непредсказуемости человеческих поступков. Следовательно, поскольку установление универсального когнитивного и морального стандартов невозможно, необходимо установление универсального стандарта справедливости. И в таком случае только он должен иметь первостепенное значение в ряду моральных требований. Взвешенная этическая позиция при этом должна базироваться на каком-то сущностно ином принципе оценки каждого индивидуально-ответственного поступка.

Таким принципом является *ἐπιείκεια*, описанная Аристотелем. Этому принципу посвящена практически полностью пятая книга «Никомаховой этики», значительная часть четвертой книги «Евдемовой этики», также рассуждения, связанные с *ἐπιείκεια*, встречаются в «Риторике». По версии перевода Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер и М. А. Солоповой [2, с. 333], слово *ἐπιείκεια* близко по значению к слову «порядочность». Согласно Аристотелю, *ἐπιείκεια* является высшим уровнем морального совершенства, превосходящим даже справедливость [16, с. 142]. Рассуждая о правовых, политических и моральных аспектах правосудия он приходит к выводу, что законы (говоря о законах, мы имеем в виду моральные законы. Британский эллинист, профессор Даремского университета Эдвард Харрис находит аристотелевский принцип *ἐπιείκεια* не только относящимся к системе судопроизводства и форму юридического толкования справедливости, но и реализующимся в нравственной философии при оценке поступков, см., напр.: [15]) содержат общие правила и не могут учитывать все возможные ситуации и частные случаи. Создание абстрактных и обобщенных законов и правил всегда влечет за собой опасность несправедливого решения. С практической точки зрения принятие таких правил является неизбежным, но недостатки, выявляющиеся в частных ситуациях, должны постоянно исправляться конкретными решениями. Аристотель определяет *ἐπιείκεια* как некую *поправку* к закону, в котором из-за его всеобщности есть упущение, она применяется только в необычных случаях. Он пишет в «Евдемовой этике»:

...когда закон высказывается в общем, а случается нечто, предписываемое этим законом, не подпадающее под общее, тогда судить «правильно» — значит исправить то, что упустил законодатель и где он допустил недочет в силу общего определения (EE, 1137b20–24) [2, с. 129] <...> Такова природа добропорядочности — исправление закона в той мере, в какой в нем имеется упущение вследствие его общего характера (EE, 1137b26–28) [2, с. 131].

Именно поэтому добродетель, исправляющая закон, превосходит справедливость. Для обозначения морально совершенного человека, действующего исключительно во имя нравственного блага, используется прилагательное ἐπιεικῆς (например, EE, 1137b34 [2, с. 130]. Таким образом, ἐπιεικῆς среди людей — это то же самое, что и ἐπιεικεία среди качеств и компетенций:

...кто такой порядочный (ἐπιεικῆς. — А. К.): кто сознательно поступает порядочно и не судит по букве закона в ущерб другому, но проявляет уступчивость <...> и такое душевное качество — порядочность (ἐπιεικεία. — А. К.), она же есть своего рода справедливость и никакое иное качество (EE, 1137b34–35, 1138a1–3) [2, с. 131].

Если первое означает личный идеал, основанный на стремлении проявлять благодать, милосердие и снисходительность, то второе — способность толковать, исправлять и дополнять законы и правила.

Итак, согласно Аристотелю, строгое обобщение законов невозможно, а добродетельный человек действовать на основе строгих обобщений не может. Особо нужно выделить, что ἐπιεικεία не способ аргументирования несостоятельности моральных законов, правил и требований по причине их несправедливости, не апелляция к незаконным соображениям, а также не стремление оправдать зло или аморальность, ἐπιεικεία выступает в качестве высшего принципа справедливости и высшей моральной добродетели [15, с. 28].

Все это, кажется, поддерживает идею о том, что для Аристотеля практический разум имеет дело только с частными случаями, а не с общими законами и правилами. Следствием этого, по-видимому, является то, что для Аристотеля партикуляристский подход выше универсального. Однако, как справедливо считает профессор Боннского университета К. Хорн, Аристотель явно ограничивает свой тезис о необходимости обращения к частному. Во-первых, проблема, вызванная чрезмерно обобщенными законами, касается только некоторых случаев, а не всех. Во-вторых, несмотря на то что недостаток моральных обобщений не имеет универсального значения, есть случаи, для которых закон может быть успешно применен [16, с. 149].

Мы приходим ко второму способу интерпретации аристотелевской справедливости, который не предполагает морального партикуляризма. К. Хорн утверждает, что Аристотель придерживался контекстно-зависимого универсализма [16, с. 158]. Здесь решающим фактором является не контекстуализированная способность судить конкретные дела, а способность следовать законам и применять их в ситуациях, которые не были предусмотрены законодателем. Аристотель явно предпочитал ситуацию, в которой хорошо образованные и руководствующиеся правилами люди принимают решения на основе разумных размышлений. Вероятно, именно эту модель имел в виду Аристотель в своих описаниях роли ἐπιεικεία.

Контекстуальная гибкость, реализуемая по принципу ἐπιεικεία, способна придать этическому кодексу эффективность, поскольку абсолютные предписания редко решают моральные дилеммы в наших отношениях с миром природы и социумом, суть которых состоит в непрерывном изменении, неопределенности и непредсказуемости.

Новые способы познания мира требуют действительно *разумных* моральных рассуждений и выводов, основывающихся на всесторонней интерпретации фактов. Теория хаоса и нелинейно-синергетические подходы к осмыслению реальности формируют принципиально новый язык для понимания сложности жизни. Способность оценивать альтернативы с этической точки зрения и выбирать морально хорошее зависит от индивидуальной способности прогнозировать последствия наших поступков и воли к принятию индивидуальной ответственности. Наша реальность — это не строго детерминистическая структура, а скорее непредсказуемый мир множественных возможностей и свободы. Неопределенность, по-видимому, присуща как на уровне состояния системы в целом, так и в локальном масштабе рассмотрения системы в отношении длинной траектории ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексина Т. А. Этика глобализирующегося мира // Вестник РУДН. Сер. Философия. — 2013. — № 3. — С. 64–74.
2. Аристотель. Евдемова этика / пер. с др.-греч. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. — 408 с.
3. Афанасьева В. В. Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2002. — 353 с.
4. Афанасьева В. В., Анисимов Н. С. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ // Власть. — 2013. — Вып. 1. — С. 68–71.
5. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. — М.: Изд-во политической литературы, 1991. — 413 с.
6. Буева Л. П. Дионисийство как культурно-антропологическая проблема (вариации на темы Вяч. Иванова) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования / под ред. Л. А. Гоготишвили и А. Т. Казарян. — М.: Русские словари, 1999. — С. 443–461.
7. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 768 с.
8. Зубец О. П. Предпочтение жизни самого себя // Мораль: разнообразие понятий и смыслов / под ред. О. П. Зубец. М.: Альфа-М, 2014. — С. 174–200.
9. Павлов А. П., Павлов П. А. Онтология социального хаоса // Грамота. — 2015. — № 8(58). — С. 136–139.
10. Пьянкова С. Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2009. — № 1(3). — URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.10.2020).
11. Сёмушкин А. В. У истоков европейской рациональности. Начало древнегреческой философии. — М.: Интерпракс, 1996. — 192 с.
12. Скрипник А. П. Негодование и нетерпимость // Этическая мысль. — 2019. — Т. 19, № 1. — С. 89–103.
13. Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 304 с.
14. Barton S. Chaos, Self-Organization, and Psychology // American Psychologist. — 1994. — № 1. — P. 5–14.
15. Harris E. How strictly did the Athenian courts apply the law? The role of *epieikeia* // Bulletin of the Institute of Classical Studies. — 2013. — N 56(1). — P. 27–48.

16. Horn C. *Epieikeia: the competence of the perfectly just person in Aristotle* // *The Virtuous Life in Greek Ethics* / ed. by B. Reis. — New York: Cambridge University Press, 2006. — P. 142–166.

17. Krippner S. *Humanistic Psychology and Chaos Theory: The Third Revolution and the Third Force* // *Journal of Humanistic Psychology*. — 1994. — Vol. 34, N 3. — P. 48–61.

18. Kwiatkowska T. *Beyond uncertainties: some open questions about chaos and ethics* // *Ethics and the Environment*. — 2001. — N 6(1). — P. 96–115.

19. Singh A. *Ethics of Globalization: Challenges and Prospects* // *Journal of Indian Council of Philosophical Research*. — 2015. — N 32(2). — P. 165–174.

20. Stewart I. *Does God Play Dice? The New Mathematics of Chaos*. — London: Penguin Books, 1989. — 418 p.

21. Tsalikis J. *Can We Act Ethically? Implications of Determinism, Chaos Theory and Unintended Consequences* // *Business Ethics and Leadership*. — 2018. — Vol. 2, N 2. — P. 6–13.

22. Wood A. *Kantian Ethics*. — New York: Cambridge University Press, 2008.